
По отчетливости проблематики и выводов, цельности и ясности стиля, по композиционной завершенности и стройности роман «Обломов» — вершина творчества писателя. Это центральное произведение во всей русской литературе по эпической масштабности художественного исследования российского дворянского «байбачества». Здесь представлен художественный тип необычайной социальной и психологической емкости.

Для Ленина образ Обломова был олицетворением социальной косности и отсталости, мешающих историческому прогрессу нашего государства. Владимир Ильич призывал бороться против «усыпляющей» роли российский Обломовых, сохранившихся и после социалистической революции. В 1922 г. В. И. Ленин писал: «Старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел» (Ленин В.И. ПСС, т. 45, с. 13).

Обломов чистосердечен, мягок, у него не потеряно драгоценное нравственное качество — совесть. Субъективно он не способен сотворить зло. Но степень объективной моральной ценности Обломова все же не велика. Обширная сюжетная композиция рисует картину духовного запустения героя. Н. А. Добролюбовым была отмечена в статье «Что такое обломовщина?» (Современник, 1859, №5) странная, внешне парадоксальная, но в сущности закономерная смесь барства и рабства. Внутреннее единство барина и опустившегося слуги Захара, трагикомическое по своей сути, воспринимается как фарсовый вариант морального умирания Обломова. Захар — некое отражение Ильи Ильича, модификация «обломовщины», и в этом своем значении его образ дополнительно выявляет, обнажает омертвление духовной природы Обломова. То, что Обломов помещик, — серьезное, решающее обстоятельство при оценке этой сущности. Он несет социальную ответственность за судьбу Захара, по сути трагическую, хотя, разумеется, старый слуга этого не понимает. Однако Обломов не осознает своей вины. «Триста Захаров» убивают в нем всякую активность. По-гоголевски гиперболизированное число «воспитателей» — некий социальный символ, как неизбежности возвышения одного человека над другими. Безосновательного, в конкретном случае и просто нелепого, но — возвышения. Обломов не забывает о своем помещичьем статусе и никак не может освободиться от сословного

высокомерия. Он с поистине маниакальной сосредоточенностью изводит Захара, неосторожно сравнившего жизнь своего барина с жизнью других людей.

Ничего неделание Обломова вовсе не невинно. Конечно, лежащий на диване Илья Ильич привлекательнее, чем надоедливые ничтожества, то, как заводные куклы, мелькающий перед Обломовым, то по-шакальи его обступающие. Но Добролюбов заметил: «Да пока лежит один, так еще ничего; а как придет Тарантьев, Затертый, Иван Матвеич — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объедают, опивают, спаивают... разоряют его именем мужиков.... Он все это терпит безмолвно». Как бы предупреждая возможные восторги по поводу положительных качеств Обломова, Добролюбов делает вывод: «Нет, нельзя так льстить живым, а мы еще живы, мы еще по-прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла нас» (Добролюбов Н. А. СС в 3 т., М., 1952, т. 2, с. 136).

Такой вывод подтверждается и сюжетными антитезами в романе: Обломов — Штольц, Обломов — Ольга Ильинская. Штольц — не положительный герой романа. Его деятельностью иногда напоминает никчемную суету Петрова и Судьбинского из презираемого Штольцем петербургского окружения Обломова. Сообщения об энергичных занятиях и передвижениях Штольца вызывают ассоциацию с коммивояжерством, с туристской беготней. Его практицизм далек от высоких идеалов. О невысокой цене культурно-коммерческой деятельности, экономических идей Штольца нетрудно догадаться. В самой необеспеченности «дела» Штольца высокими идеями писатель видел хотя и отдаленные, но реальные предпосылки в конечном счете той же обломовщины. Слова Штольца: «Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни» — по воле автора звучат простой декларацией, не имеющей ни социальной, ни моральной перспективы. Образ Штольца порой схематичен и, в сущности, эмоционально безлик. Это обусловлено неясностью гончаровского представления о том, каким должно быть дело, спасающее Россию от обломовщины.

Главная сюжетная ситуация в романе — взаимоотношения между Обломовым и Ольгой Ильинской. Здесь Гончаров идет путем, ставшим к тому времени традиционным в русской литературе: проверка ценности человека через его интимные чувства, его страсти. Не отступает писатель и от наиболее тогда популярного разрешения подобной ситуации. О классическом примере такого разрешения писал Н. Г. Чернышевский в 1858 г. в известной статье «Русский

человек на *rendez-vous*». Анализируя повесть Тургенева «Ася», критик показал, как через нравственную слабость человека, оказавшегося неспособным ответить на сильное чувство любви, раскрывается его общественная несостоятельность. «Обломов» не противостоит этому выводу, а еще более закрепляет его. Ольге Ильинской свойственны гармония ума, сердца, воли и деятельного добра. Невозможность для Обломова понять и принять эту высокую нравственную норму жизни оборачивается неумолимым приговором ему как личности. В романе так поэтизируется внезапно вспыхнувшее чувство любви Ильи Ильича, к счастью, взаимное, что может возникнуть надежда: Обломов возродится как человек в полной мере. Внутренняя жизнь героя пришла в движение. Любовь открыла в натуре Обломова свойства непосредственности, которая, в свою очередь, вылилась в сильный душевный порыв, в страсть.

Вместе с чувством любви к Ольге в Обломове пробуждается активным интерес к духовной жизни, к искусству, к умственным запросам времени. Но Илье Ильичу далеко до естественности Ольги, свободной от многих житейских соображений, посторонних и, по существу, враждебных любовному чувству. Чувство любви Обломова к Ольге было кратковременной вспышкой. Иллюзии на этот счет быстро рассеиваются у Обломова. Разрыв между Ольгой и Обломовым естествен: слишком несхожи их натуры. Дороже романтических свиданий оказалось для Обломова жажда безмятежного, сонного состояния. «Спит безмятежно человек» — вот каким видится Илье Ильичу идеал существования. И Обломов, на время увлекшийся Ольгой Ильинской, явил собой лишь элементарный вариант пресловутого «русского человека не *rendez-vous*».

Жизнь Ильи Ильича в доме Пшеницыной оказалась непродолжительной, ибо была к тому же физически инертной и, следовательно, ненормальной, нездоровой. И Обломов стал быстро идти навстречу своему вечному сну — смерти. Писатель недвусмысленно оценивает эту стадию жизни героя: «С летами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывается в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворотясь от жизни, копают себе могилу». Так Гончаров произнес приговор обломовскому идеалу.

По выходе в свет роман стал предметом активного критического внимания. На фоне разноречивых суждений выделялась оценка романа Добролюбовым. Критик придал понятию «обломовщина» широкое историческое значение. Он заметил, что у Гончарова были предшественники в изображении обломовщины и сходных с ним социально-нравственных явлений. Среди этих предшественников он назвал Пушкина, Лермонтова, Тургенева, создавших образы «лишних людей» — Онегина, Печорина и Рудина. Добролюбовская характеристика романа стала классической, сохранив свое полное значение и в наши дни.

В «эстетической» критике роман Гончарова истолковывался вне связи с гоголевской школой, с позиций теории «чистого искусства», без отрицательного отношения к главному персонажу романа (Дружинин А.В. Обломов, роман Гончарова // Библиотека для чтения, 1859, №12). Сам автор «Обломова» солидаризировался с Добролюбовым. Он писал П. В. Анненкову: «Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об Обломове: мне кажется об обломовщине — то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя... Двумя замечаниями своими он меня поразил: это прониканием того, что делается в представлении художника» (Гончаров И. А. СС в 8 т., М., 1980, т. 8, с. 275—276).

Источник: Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Под ред. П. А. Николаева. В 2-х ч. Ч. 1., М.: Просвещение, 1990.